

НИКОЛЬСКИЙ ПЯТОВЕСТ

По благословию Мефодия, Митрополита Астанайского и Алматинского
№ 25 (434), 12 октября 2008 г.

Тропарь Покрову Пресвятой Богородицы

*Днесь благовернии людие
светло празднуем,
осеняеми Твоим, Богомати, пришествием,
и к Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем:*

*покрый нас честным Твоим Покровом
и избави нас от всякаго зла,
молящи Сына Твоего, Христа Бога нашего,
спасти души наша.*

Евангельское чтение

(Лк., 26 зач., VI, 31-36)

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за это благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за это благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.

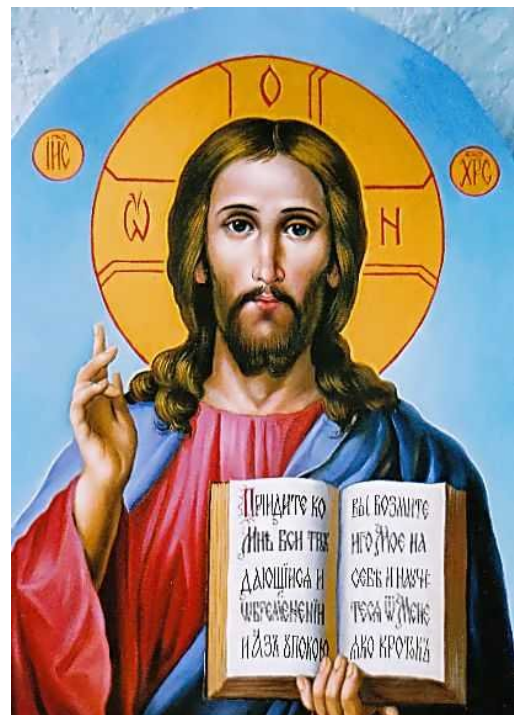

О любви к ближним

Многие тяготятся тем, что не делают дел милосердия или что не имеют такой возможности. И вот Христос нам показывает дело, которое могут сделать все, кто захочет.

Как, - говорит Он, - *хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.* Вот основное правило христианских взаимоотношений с людьми - не делать им то, чего себе не желаешь, и поступать с ними так, как мы хотим, чтобы другие поступали с нами - и все это независимо от того, как они к нам относятся. *Если любите любящих вас, - говорит Христос, - какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же.* Грешники - то есть те люди, которые живут только по своей воле и воля Божия их не заботит. А тем, кого она заботит, Господь говорит: *Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.*

Милосердие означает "сердце милующее", а вовсе не благие по внешности дела, вдохновленные человекоугодием или тщеславием. Тяжело говорить о том, чего сам не имеешь, но сердце милующее

бывает у тех, кто не сам собой полон, а способен воспринимать нужды других людей и их внутренний мир. Если мы сочувствуем внутреннему состоянию других людей, то любой человек становится интересен и любого жалко в его скорбях, даже если он сам во многом неправ и сам собрал себе эти скорби. Но не только те достойны внимания, кто нам приятен и хорошо к нам относится. Те, кто к нам относится плохо, уже тем интересны, что они во многом похожи на нас, как и мы на них. И мы, как и они, порой совершаем ошибки и хотим, чтобы люди смотрели на них сквозь пальцы. И мы - каждый из нас - хотя бы несколько раз в жизни сделали кому-то плохо, и хотели бы, чтобы тот человек нас простил. И у нас в жизни бывали поступки, о которых не хочется вспоминать и тем более не хочется, чтобы те, кто о них знает и помнит, рассказывали о них другим. И мы неохотно каемся в своих грехах и во многих из них себя оправдываем, а другие и вовсе не видим. И мы порой нуждаемся в помощи, и тогда приходится просить о ней тех, кого просить нам не хочется, а бывает, что помощь сама приходит оттуда, где мы никогда не стали бы ее просить. И то же самое происходит с другими людьми - с друзьями нашими и с врагами, с теми, с кем мы рады общаться, и с теми, чье общество для нас в тягость. Сердце милующее - у кого оно есть - способно войти не только в свое собственное положение, но и в положение других людей. Оно способно по силам делать добро всем людям, а не только тем, кто нам приятен. Оно готово и на некоторые убытки ради тех, кто нуждается, без гарантии, что нам это вернут. Одним словом, сердце милующее способно идти на некие внутренние жертвы ради других людей, кто бы они ни были.

Не может быть сердца милующего у человека, который интересуется только собой и своими чувствами. Для кого любовь к ближнему заключается в том, что он сосредоточен на собственных чувствах по отношению к ближнему, тот не только не способен любить, но еще и опасен для окружающих. А чтобы так не было, будем не о себе, а о других думать. Не о том, приятно нам или неприятно их видеть, не о том, хорошо или плохо они поступают, - мы сами должны хорошо поступать, а не других судить за их поступки. То нам должно быть интересно, чем этот человек живет и можно ли чем-то помочь ему. Нельзя помочь? Ну, так хотя бы не будем искушать его своими глупыми чувствами.

Весь нынешний мир лежит в унынии, то есть в депрессии, а специалисты - причем мирские - объясняют нам, что такое депрессия. Это - заикленность на себе, - своих взглядах, желаниях, мыслях и чувствах. Тот, кто в своей любви к ближнему выходит за пределы своего "Я", не унывает и не впадает в депрессию.

Любое наше дело, говорят святые отцы, совершить до конца помогает Господь, но начать его должны мы сами. Начнем выталкивать свое "Я" с пьедестала, на который мы возвели его, и Господь поможет нам любить тех, кого Он Сам любит. Аминь.

Священник Михаил Немнонов 2003 г.

<http://www.nemnonov.com.ru/index.htm>

Покров Пресвятой Богородицы: заступление во всех бедах

*О, Мати Божия,
покрой нас честным Твоим Покровом
и избави нас от всякого зла.*

коло 1164 г. заботами святого князя Андрея Боголюбского был установлен в русской Церкви праздник Покров Пресвятой Богородицы.

Жизнь христианина можно сравнить со странствованием израильтян из египетского плена в обетованную землю. Подобно тому, как в древности израильтяне были водимы облаком, так для христиан Божия Мать является тем чудесным облаком, которое ведет нас в Царство Божие. Облако, которое вело израильтян, было столь чудодейственное, что одновременно было и светлым, и темным. Оно было светлым для людей израилевых и темным для неверных египтян. Это облако чудесно изменялось и сообразно нуждам людей израильтян. Ночью оно было огневидным для освещения, а днем защищало от солнечного зноя. Вместе с тем оно было путеводителем в обетованную землю. Когда оно двигалось, двигались и израильтяне. Когда же оно стояло, стояли и люди. Подобным образом и мы, новый Израиль, имеем такое облако, данное нам Богом, в заступление и помощь - Пресвятую и Преподобную деву Марию, которую видел блаженный Андрей вместе со своим учеником Епифанием в храме.

Это чудесное явление Божией Матери произошло в середине десятого века в Константинополе, во Влахернской церкви, где хранилась риза Богоматери, Ее головной покров и часть пояса, перенесенные из Палестины в пятом веке. В воскресный день 1 октября, во время всеобщего бдения, когда храм был переполнен молящимися, святой Андрей, Христа ради юродивый, в четвертом часу ночи, поднимая очи к небу, увидел идущую по воздуху Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, озаренную небесным светом и окруженную Ангелами и сонмом святых. Святой Креститель Господень Иоанн и святой апостол Иоанн Богослов сопровождали Царицу Небесную.

Преклонив колена, Пресвятая Дева начала со слезами молиться за христиан и долгое время пребывала в молитве. Потом, подойдя к Престолу, продолжала Свою молитву, закончив которую, Она сняла со Своей головы покрывало и распростерла его над молящимися в храме людьми, защищая их от врагов видимых и невидимых. Пресвятая Владычица сияла небесной славой, а покров в руках ее блистал "паче лучей солнечных". Святой Андрей с трепетом созерцал дивное видение и спросил стоявшего рядом с ним своего ученика, блаженного Епифания: "Видишь ли, брат, Царицу и Госпожу, молящуюся о всем мире?" Епифаний ответил: "Вижу, святой отче, и ужасаюсь". Преподобная Богородица просила Господа Иисуса Христа принять молитвы всех людей, призывающих Его Пресвятое Имя и прибегающих к Ее заступлению. Святые Андрей и Епифаний, удостоившиеся созерцать молящуюся Богоматерь, "долгое время смотрели на распростертое над народом покрывало и на блиставшую наподобие молнии славу Господню, по отшествии же Ее, сделалось оно невидимым, но, взяв его с Собой, Она оставила благодать, бывшую там".

Светлый покров Божией Матери, который Она простерла над народом, и сопровождающая его благодать - это светлое облако просвещает нас Божественным светом и помрачает наших гонителей. Это облако светит нам в ночи греховной, как луна в ночи естественной, чтобы мы не уклонились с пути к земле обетованной в пустыню вечной гибели. Осеняет нас покровом своим во время зноя праведного гнева Божия, чтобы ярость Его не попала на нас. Простирает над нами Преподобная Мать пречистые свои руки с омофором на воздухе, созывая под кров крыл милости своей, желая сохранить нас от врагов видимых и невидимых, как птица обычно созывает своих птенцов, простерши крылья и желая сохранить их от хищников и согреть их. Господь наш Иисус Христос усыновил Свою Матерь на Голгофе святому апостолу Иоанну Богослову, а в лице его всему христианскому народу, поэтому Она как Мать и заботится о каждом христианине и особенно о тех, которые страдают и призывают Ее на помощь.

Личная жизнь Божией Матери была исполнена многих лишений, переживаний и страданий. Особенно Она переживала и страдала, когда распинали Христа, Ее Сына. И когда все переживания и страдания кончились и сменились небесной радостью и славой небесной, и после Ее успения Она стала Царицей неба и земли, тогда Она, понимая все страдания человеческие и сделавшись Матерью христиан, стала помогать каждому страждущему человеку. Божия Мать не судит род человеческий, а лишь жалеет и старается своим ходатайством умиловить праведный гнев Божий на грешников. Для падших, для слабых, для отчаявшихся и всеми презренных Она оставляет Свое Небесное Царство и невидимо ходит по земле.

Тот самый Андрей Блаженный, которому было чудное видение Богоматери, распростершей над молящимся народом Свой омофор, был однажды восхищен в рай, и Ангел водил его по обителям рая. Много видел он обитателей разных святых и спросил, наконец, почему он не видит нигде Царицы Небес. "Ее нет здесь, - отвечал Ангел, - Владычица отошла в многоскорбный мир помогать бедствующим и утешать печальных".

Величия и славы Божия Мать достигла Своими добродетелями, среди которых особенно выделяются любовь к

Богу, смирение и чистота девства и чистота душевная. Дева Мария была исполнена глубокого смирения, о котором Она сказала в беседе с праведной Елизаветой, что Господь "призрел на смирение рабы Своей". И это смирение проявлялось во всю Ее жизнь, и особенно это видно в словах, которые Она сказала Архангелу Гавриилу во время Благовещения: "Се раба Господня, да будет Мне по слову твоему" (Лук. 1, 38). Она со смирением и кротостью служила Сыну своему до самой Голгофской смерти Его и терпеливо переносила вместе с Ним все, что и Он переносил.

Тем же смирением Она взошла на небеса и возведена со славою на Престол Царствия, где пребывает смирение и откуда была низвержена гордыня. Божия Мать есть Приснодева, Она до рождения была Девой и после рождения до самого Ее успения осталась Девой. Святитель Амвросий говорит: "Она была девою не только телом, но и душою: смиренна сердцем, осмотрительна в словах, благоразумна, немногоречива, любительница чтения, трудолюбива, целомудренна в речи. Правилom Ея было - никого не оскорблять, всем благожелать, почитать старших, не завидовать равным, избегать хвастовства, быть здоровомысленною, любить добродетель". Детство Приснодевы толкует этот святитель как явление особой, Ей только свойственной благодати, как производное от дара целомудрия.

Мы знаем, что преподобные особенно молились Божией Матери. Преподобный Серафим Саровский в своей келье имел одну только икону Божией Матери, перед которой он молился и перед которой он скончался. Божия Мать является образцом целомудрия, в котором нуждаются не только девствующие, но и вдовствующие и живущие в браке. Эти три основные добродетели: любовь к Богу, смирение и целомудрие были в совершенстве у Божией Матери. И если мы, христиане, дерзаем называть Ее своей Матерью, то мы должны и иметь эти же добродетели, подражая Ей.

В настоящее время, когда в нашей стране происходит возрождение нравственности на основании духовных ценностей, которые мы потеряли в период воинствующего безбожия, нам необходимо вспомнить Святую Русь и тех святых, которые старались подражать Божией Матери самоотверженной любовью к людям.

Княгиня Евдокия, супруга князя Дмитрия Донского, была верной помощницей не только в хозяйственных делах и княжеских, но особенно она была помощницей в духовной жизни. Она вдохновляла своего мужа на битву с татарами. С другими московскими женщинами благоверная великая княгиня помогала русской рати, бившейся на Куликовом поле, своими горячими молитвами, воздвигая небо и

московских чудотворцев ополчиться против неверных. Рано схоронив своего мужа, Евдокия жила подвижницей в честном вдовстве, но скрывала от людей свои подвиги. Имея тело, иссохшее от поста, чтобы прикрыть свою худобу, носила на теле по несколько одежд, придававших ей вид тучности, и являлась всюду в пышности своего сана. Воспитав пятерых сыновей, княгиня приняла монашество с именем Ефросиния. В молитве и подвиге проходили последние годы ее жизни+

Однажды, незадолго до конца ее жизни, она шла в Вознесенский монастырь, один нищий слепец стал просить ее даровать ему зрение. Княгиня украдкой подала ему рукав своей одежды, которым он утер лицо и прозрел. Она, совершив свой земной путь, почилa 7 июля 1407 года и погребена была в основанном ею Вознесенском монастыре, и затем она причислена была к лику святых. Приведу еще один пример из истории нашего Отечества служения и самоотверженной любви к народу.

Во время Смутного времени при царе Борисе Годунове в селе Лазаревском в четырехстах верстах от города Мурома во время страшного голода прославилась своим милосердием блаженная Иулиания Осоргина, вдова помещица. Она распродала скот и всю движимость и кормила хлебом, купленным по дорогой цене, не только свою челядь, но и всех просивших у нее милостыни. Когда великая нищета умножилась в ее доме, она собрала всех крестьян и предложила им свободу, и они могли разойтись, кто куда хочет. Но многие крестьяне не захотели никуда уходить и решили быть верными рабами своей хозяйки. Оставшимся крестьянам она велела собирать траву лебеду и кору с дерева вяз и из этой смеси печь хлеб. Таким хлебом она сама питалась, кормила своих детей, а также питались и оставшиеся крестьяне. И молитвою ее этот хлеб был приятным и никто не изнемогал от голода. Тем хлебом она и нищих питала, и не накормивши никого из дома не отпускала, а нищих в то время было бесчисленное множество. Соседи говорили нищим: "Что к Юлиании в дом ходите? Она и сама-то голодает". Нищие отвечали: "Много сел мы обходили и чистого хлеба собирали, а такого вкусного хлеба, как у этой доброй вдовы, мы еще нигде не вкушали". И соседи для испытания посылали к ней за хлебом, ели его и дивились, что такой вкусный был хлеб, а того не разумели, что молитвою ее хлеб был вкусным. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудевал дом ее, но противилась смотрению Божию, терпя благодарно и ведая, что терпением приобретается Царство Небесное. И терпела в той нищете два года, не опечалилась, не смутилась и не изнемогла нищетою, но была еще веселее прежнего.

Вообще древнерусские женщины, воспитанные в православной вере, отличались милосердием, всепрощением, кротостью и благочестием. Они, исполненные любовью ко Господу Богу, самоотверженно служили своим семьям и всем людям, которые нуждались в их любви, их любовь вдохновляла на ратные подвиги мужей и зажигала сердца детей любовью ко Господу и людям. Они подобно Божией Матери простирали свою любовь на людей, которые так нуждаются в ней. Божия Мать Своим Покровом простирает Свою милость над всеми

христианами. Таким же образом и наши древнерусские жены простирали свою любовь и самоотверженное служение своему народу. В настоящее время, когда происходит распад семьи, общества и страны, нам необходимо обратиться ко Господу, подражая нашим предкам, найти свой путь к Небесному Царству и идти к Нему, а Божия Матерь, подобно облаку, которое вело древний Израиль в обетованную землю, поведет и поможет нам на этом пути.

Протоиерей Анатолий Малинин

http://www.pravmir.ru/article_1387.html

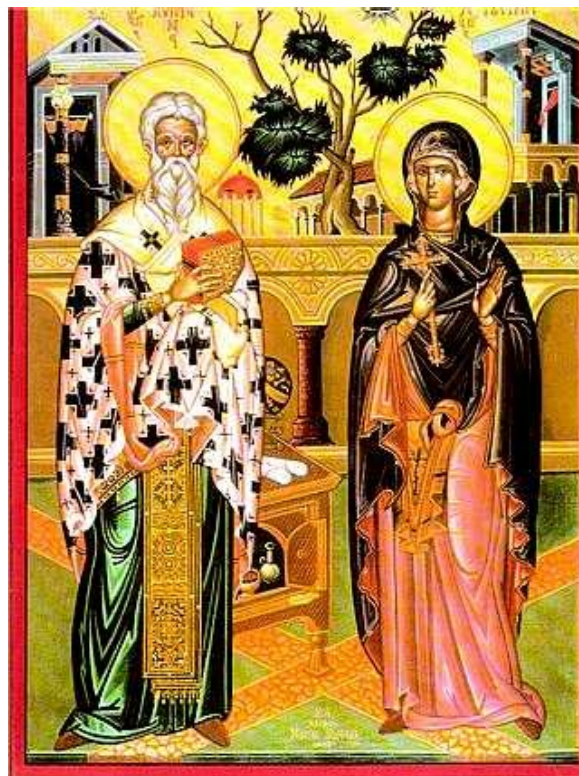
ЖИТИЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРИАНА И МУЧЕНИЦЫ ИУСТИНЫ

вященномученик Киприан, святая мученица Иустина и святой мученик Феокист умерщвлены в Никомидии в 304 году. Святой Киприан был язычник, родом из Антиохии. Еще в раннем детстве отдан был нечестивыми родителями в служение языческим богам. С семи лет до тридцати Киприан обучался в крупнейших центрах язычества - на горе Олимп, в городах Аргосе и Таврополе, в египетском городе Мемфисе и в Вавилоне. Постигнув премудрость языческой философии и чародейства, был посвящен на Олимпе в жрецы. Обретя великую силу призывания нечистых духов, видел самого князя тьмы, беседовал с ним и получил от него полк бесов в услужение.

Вернувшись в Антиохию, Киприан стал почитаться язычниками как главный жрец, удивляя людей способностью управлять стихиями, насылать мор и язвы, вызывать мертвецов. Многие людские души сгубил великий жрец, обучая их чародейству и служению бесам.

В том же городе жила христианка - девица Иустина. Обратившись ко Христу от языческого заблуждения и приведя к истинной вере отца и мать, она посвятила себя Небесному Жениху и проводила время в посте и молитве, сохраняя девство. Когда юноша Аглаид предложил Иустине стать его супругой, то святая мученица ответила отказом. Аглаид обратился к Киприану и просил его с помощью чародейства склонить Иустину к замужеству. Но как ни старался Киприан, ничего не мог сделать, потому что святая мученица молитвой и постом сокрушала все козни дьявола. Заклинаниями насылал Киприан на святую деву бесов, разжигавших в ней плотскую страсть, но она изгоняла их силой Крестного знамения и горячей молитвой ко Господу. Даже один из бесовских князей и сам Киприан, силою волшебства принимавшие различные обличья, не могли искусить святой Иустины, огражденной твердой верой во Христа. Все чары исчезали, и разбегались бесы от одного вида и даже имени святой девы. Разгневанный Киприан насылал мор и язвы на семью Иустины и весь город, но и тут был побежден ее молитвой. Душе его, развращенной властвованием над людьми и стихиями, открылась вся глубина его падения и ничтожества тех, кому он служил. "Если ты боишься даже тени Креста и трепещешь Имени Христова, - сказал Киприан сатане, - то что ты будешь делать, когда сам Христос придет на тебя?" Дьявол тут же набросился на отвергшегося его жреца и стал бить и душить его. Святой Киприан впервые испытал на себе силу Крестного знамения и Имени Христова, оградившись ими от нападения вражия. С глубоких покаянием пришел он к местному епископу Анфиму и отдал на сожжение все свои книги. А на другой день, придя в церковь, не хотел выходить из нее, пока не принял Святого Крещения.

Подвигом своей последующей праведной жизни святой Киприан утверждал великую силу горячей веры во Христа, искупившей всё его более чем тридцатилетнее служение сатане: через семь дней после Крещения он был поставлен во чтеца, на двадцатый день - в иподиакона, на тридцатый - в диакона, а через год рукоположен во пресвитера. В скором времени святой Киприан был возведен в сан епископа. Священномученик обратил ко Христу столько язычников, что в его епархии некому было приносить жертвы идолам, и их капища были заброшены. Святая Иустина удалилась в монастырь и была избрана в игумении. Во время гонения на христиан при императоре Диоклитиане епископ Киприан и игумения Иустина были схвачены и привезены в Никомидию, где после лютых мучений усечены мечом. Воин Феокист, видя невинные страдания святых, объявил себя христианином и был казнен вместе с ними. Зная о чудесном обращении ко Христу святого священномученика Киприана, бывшего служителем князя тьмы и верой разорвавшего его узы, христиане часто прибегают к молитвенной помощи святого в борьбе с нечистыми духами.

<http://www.frankfurt.orthodoxy.ru/jitie.htm>

АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ

Душевные страсти

Продолжение, начало в №20,21,22,23,24.

ныние, хотя не так опасно для души человека, как полное отчаяние, но как страсть по своим свойствам оно является для нее губительным ядом. Страсть уныния обычно у отцов-аскетов встречается наряду с печалью. Даже часто один термин ("печаль") ставится вместо другого ("уныние"); и это, конечно, потому, что симптомы той и другой страсти выражаются очень часто почти в одинаковых формах, выступая несколько интенсивнее в страсти уныния. В этом последнем смысле уныние и определяется как окончательное, полное развитие предшествующей страсти (печали) на общей психологической почве. Действительно, все характеризующие печаль симптомы, выражаясь в страсти уныния в более резких формах, захватывают, овладевают в человеке более широкой областью - всеми его душевными силами, почему страсть уныния у преп. Нила Синайского и называется не только болезнью души (как печаль), а "изнеможением души"; и это так потому, что в то время как другие страсти касаются только или раздражительной части души, или вожделевающей, или же мыслительной, уныние, охватывая все силы души, вдруг, за одним духом, приводит в движение почти все страсти - вот почему оно и тяжелее всех других страстей. Страсть эта поэтому характеризуется как "слабость души", "расслабление души", "изнеможение души", как общее душевно подавленное состояние. Душа человека, подверженного унынию, с утратой в силу этого разумом всякой власти над ходом душевной жизни, представляется как бы вовсе бездействующей в отношении религиозно-нравственного подвига, расслабленною, как бы "дремлющею". Все прочие страсти, при условии общей расслабленности душевного состояния, нападая на человека сущего в унынии, действуют с полной силой, не встречая себе надлежащего отпора со стороны нерешительной воли; душа такого человека представляет собою поприще их полного над нею господства. Поэтому человека, впавшего в уныние, узнают по многим характерным чертам, каковы: лень, ропотливость, негодность к делу, отсутствие терпения, бесцельный переход с места на место, безделье и праздность, суетность в мыслях. Лень и расслабление в молитвенном подвиге, скука при чтении и слушании слова Божия, нерадение при отправлении Божественных служб, малодушие, приводящее иногда к полной потере надежды на Бога, - все это, несомненно, признаки страсти уныния.

То, как уныние вкрадывается в сердце и какой вред оно причиняет духу, ясно и характерно изобразил преп. Иоанн Кассиан, представив картину нападения страсти уныния на монаха. Этот отец говорит, что когда уныние нападает на жалкую душу, то производит страх места, омерзение в келлии, также и к братьям, которые живут с ним или вдали, порождает презрение, отвращение, как к нерадивым и менее духовным. Также и ко всякому делу внутри келлии делает ленивым, нерадивым. Не попускает ему ни основаться в келлии, ни прилежать чтению, и он часто стонет, что, пребывая столько времени в той же келлии, ничего не успевает, ропщет и вздыхает, что не имеет никакого духовного плода, пока будет связан с этим обществом, скорбит, что не имеет духовной пользы и напрасно живет в этом месте, так как, имея возможность управлять другими и приносить пользу очень многим, он никого не назидает и никому не доставляет пользы своим наставлением и учением. Другие отдаленные монастыри хвалит и места те считает более полезными к преспеянию и более способствующими спасению; также общество братьев представляет приятными духовной жизни. Напротив, что находится под руками, то все худо, не только нет никакого назидания между братьями, но и самое телесное содержание приобретает не без большого труда. Наконец думает, что, пребывая в этом месте, он не может спастись; нужно оставить келлию, в которой ему придется погибнуть, если еще будет оставаться в ней, и потому как можно скорее переселяется в другое место. Потом уныние производит также расслабление тела и голод в пятом и шестом (по нашему счислению в 11-ом и 12-ом) часу, как будто он утомлен и расслаблен был долгим путем и самым тяжелым трудом или будто проводил два или три дня в посте, без подкрепления пищей. Потому тогда беспокойно озирается туда и сюда, вздыхает, что никто из братии не идет к нему, часто то выходит, то входит в келлию и часто взглядывает на солнце, как будто оно медленно идет к западу. Таким образом, в таком неразумном смущении духа, как бы земля покрылась мраком, пребывает праздным, не занятым никаким духовным делом, и думает, что ничто другое не может быть средством против такой брани, как посещение какого-либо брата или утешение от одного сна. Потому этот недуг внушает, что нужно делать приличные поздравления и посещения недужных вблизи или вдали находящихся. Также внушает как какие-нибудь благочестивые набожные обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравления их; считает великим делом благочестия чаще посещать какую-нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу женщину, особенно не имеющую никакого пособия от родителей, и если что ей необходимо, чего не дают ее родители и небрегут, о том заботиться есть дело святое и больше надобно к этому прилагать благочестивый

труд, нежели бесплодно, без всякого преспеяния сидеть в келлии. И так несчастная душа, опутанная такими хитростями врагов, расслабленная духом уныния, как сильным тираном, впадает в сон или, выгнанная из затвора келлии своей, начинает искать в этой брани утешений в посещении брата; и этим средством, от которого в настоящее время как будто получает облегчение, намного после этого больше бывает расслаблена. Таким образом воин Христов, сделавшись беглецом из своей военной службы и изменником, связывает себя житейскими делами и становится негодным военачальнику (2 Тим. 2, 4).

Что касается того, откуда происходит уныние, отцы-аскеты дают такой ответ: уныние происходит или от естественных причин - "переутомления", или же от беса. Есть уныние естественное - от бессилия, и есть уныние от беса. Естественное уныние наступает тогда, когда человек трудится выше силы своей и понуждает себя на еще большие труды. От беса происходит уныние тогда, когда враг, видя человека в лености (в этом предвестнике уклонения в худое) или праздности, нападает на душу слабую, невооруженную и еще более ослабляет ее и окончательно связывает своими оковами. Таким образом, причины, производящие страсть уныния, заключаются в нас самих - это леность, праздность вообще, беспечность и отсутствие в нас сердечного делания. Наша слабость душевная служит только почвой для сеяния врага, а самое расслабление есть отражение состояния нашей воли. Страсть уныния прежде всего характеризуется как болезненное состояние нашей расслабленной воли, почему все отцы-аскеты для укрепления последней настойчиво советуют труд, рукоделие и подобного рода занятия. Страсть уныния, как и сродная с нею печаль, составляя "болезнь души", сами являются, несомненно, состояниями слабой и болезненной воли. Отсюда понятны те основания, по которым отцы-аскеты, оценивая значение уныния в духовной жизни, считают эту страсть в высшей степени опасным, злым и тяжким врагом для подвигов спасения. Уныние, ослепляя ум человеческий, делает его неспособным к созерцанию истины добродетелей; уничтожает самые добродетели терпения, смирения и любви, на которых утверждается наше спасение; и, ослабляя нашу душу и волю (и без того слабую), является, по выражению отцов-аскетов, "всепожирающею смертью" для человека-христианина.

Итак, печаль и уныние, а равно сребролюбие и гнев, по учению отцов, суть расположения нашей греховной души, внутренние психофизические явления, наиболее отчетливо собою выражающие состояние нашей болезненной воли.

Что касается последней пары страстей - тщеславия и гордости, то они между собою связаны такой тесной связью, что нет возможности сделать точные разграничения между ними. Иоанн Лествичник говорит, что между ними нет различия, ибо, победив тщеславие, можно быть обладаемым гордостью. Между сими страстями такое различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость - конец. Эти две связанные между собою генетическим родством и непосредственностью страсти, заканчивая собою ряд главнейших пороков, достигают высшей степени губительности для религиозно-нравственной жизни человека как по своей сущности, так, особенно, по той тонкой, трудно уловимой форме своего проявления в душе. В то время как прочие страсти, по учению отцов-аскетов, истребляются соответствующими добродетелями, например, чревоугодие - постом, блуд - воздержанием, сребролюбие - милосердием к бедным и т. п., страсти тщеславия и гордости сопровождают самые добродетели и губят их. Это обуславливается тем, что названные страсти проявляются при заметных успехах по пути осуществления подвижничества, вследствие приобретения и развития в себе некоторых добродетелей, так как тщеславие примешивается ко всякому добродетельному делу. Оно возбуждается, и возбуждается не иным чем, как успехами в добродетелях того, на кого оно нападает. Наоборот, всякая добродетель, направленная на умерщвление тщеславия, легко может способствовать развитию последнего, так как, говорит Евагрий-монах, что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом нового движения тщеславия. Поэтому эти страсти (тщеславие и гордость) даже противным образом и порядком возбуждаются, чем все шесть остальные, ибо по истреблении тех - эти сильнее плодятся, и по умерщвлении тех - живее возникают и возрастают. Этим отчасти обуславливается то, что нападение этих страстей на человека бывает более сильно и тонко, нежели первых. Тщеславие многообразно, разнovidно и тонко, так что едва ли можно самыми прозорливыми глазами предвидеть его. Оно нападает на подвижника с правой и с левой стороны, ибо диавол в ком не мог породить тщеславия видом хорошо сшитой одежды, того запиная убогою; кого не мог низвергнуть честию, того запиная смирением; кого не мог заставить превозноситься знанием и красноречием, того обольщает важностью молчания; если кто будет явно поститься, то искушается суетною славою. Старцы хорошо представляют, говорит преп. Иоанн Кассиан, свойство этой страсти в виде лука и чеснока, которые, по снятии одного покрова, оказываются покрытыми другими. Прочие страсти на тех только нападают, кого победили и, будучи побеждаемы, увядают и слабеют, а эта страсть еще жесточе преследует своих победителей. "Иные страсти иногда при помощи места успокаиваются, и при удалении предмета греха, или удобства, или повода к нему обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и с бегущим в пустыню проникает, и место не может исключить ее", не изнемогает и от удаления внешнего предмета. Ибо она воодушевляется не иным чем, как успехами добродетелей того, на кого нападает. Прочие страсти с течением времени иногда ослабевают и прекращаются; а этой страсти долгое время не только не подавляет, но придает ей еще большее поощрение. В том и состоит опасность тщеславия, что в то время как прочие страсти, при противоборстве противоположных им добродетелей открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить и предостеречь их, эта, прильнувши к добродетели, вместившись в строй войска, сражается, как в темную ночь, и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее. Все сказанное здесь о тщеславии с большим правом можно отнести и к гордости.

Что касается, в частности, тщеславия (*kenodoxia*), то оно, несомненно, предполагает в человеке наличность некоторых добродетелей, достигнутых успешным прохождением подвижничества. Начинается оно с самого, по-видимому, ничтожного: только еще начинающих (подвижников) и мало преуспевающих в добродетели тщеславие обыкновенно превозносит за звуки голоса, т. е. что они приятно поют, или что у них плоть истощена постом, или

что они красивы. Потом тщеславие внушает монаху искать степени клирика, пресвитера с целью учить других и давать им образец святости; так постепенно страсть опьяняет ум монаха

Характерным здесь является то, что средством для достижения почести и славы человек избирает труды, подвиги, совершение добродетелей. Это же самое является и выразителем самой сущности разбираемой страсти. Избирая подвижничество средством достижения собственной славы, тщеславный извращает в корне как цель христианского подвижничества, так и самое понятие о христианских добродетелях. Цель подвигов ложная и, как таковая, не может иметь цены с нравственной точки зрения. Обращая цель в средство тщеславия, тщеславный чрез глубокое извращение понятия подвижничества несомненно встает на гибельный путь самолюбия. Истинный Христов подвижник непрестанно пребывает в таком горячем желании, чтобы Бог славился в нем, сам же он остается как бы несуществующим. Такой человек и не знает, что он такое, и не чувствует наслаждения в самых похвалах словесных; но при сильном желании смирения он не думает о своем достоинстве. Не то мы видим у человека, увлеченного духом тщеславия: все его подвиги и добродетели являются в нем стремление не к славе Господа, по побуждениям чистой любви к Богу, а стремление к славе собственной (славе человеческой), т. е. к удовлетворению личного своего себялюбия. Тщеславие (а с ним и гордость) основанием своим имеет "себялюбие", постоянно сопровождаясь памятованием о своем собственном достоинстве. Центр такой (по страсти) деятельности полагается не в Боге, а в самом человеке. Поэтому преп. Антоний Великий, поставляя тщеславие наряду с богозабвением, считает его самою большою и неисцельною болезнью души.

Точное и глубокое определение тщеславия с этой именно точки зрения мы находим у преп. Максима Исповедника. По его словам, тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и приступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели и трудами своими имеет в виду накопить лишь человеческих непостоянных похвал. Такая человеческая слава по сравнению с славой Божественной является напрасною, суетною, ложно-тщетною, почему и самое состояние это называется "тщеславием".

Совершая подвиги добродетели ради приобретения славы людской, с надеждой получить человеческую похвалу, человек, естественно, все свое внимание обращает не на суть подвигов, а на внешнюю только их сторону. И, конечно, внешняя благовидность поступков и действий является "пустоцветом", прикрывающим серьезные внутренние пороки, так как человек, обманывая себя внешними своими деланиями, внутреннее свое делание разоряет и губит. Опьяняя ум подвижника и представляя мечтательно такие положения, о которых нет основания умно рассуждать, тщеславие тем самым препятствует ему (уму) предстать пред Богом и стяжать венец истинной праведности. Правда, оно побуждает подвижника на многие труды, посты, молитвы, милостыни и т. п., но этим всем, по слову Антония Великого, человек ничего другого не достигает, кроме стыда и поношения, так как тщеславие губит все раньше приобретенные человеком добродетели и здесь иногда (подверженного этой болезни) наказывает по суду правды Божией. Одно тщеславное превозношение способно погубить такие великие добродетели, каковы были добродетели, и вера, и праведность царя Езекии, набожность которого заслужила того, что они могли изменить самую природу и законы всего мира (разумея возвращение солнца на 10 ступеней назад и возвращение дней жизни на 15 лет), и однако все это погибло чрез одно превозношение тщеславия, так что все добродетели преданы забвению, как бы их и не было. Чрез страсть тщеславия человек для жизни духовной делается бесплодным; душу тщеславного человека часто сравнивают с "ямой безводной", а самого его называют идолопоклонником, хотя бы он был и верующим.

Кроме того, у человека тщеславного на почве видимой благовидности развиваются неизбежные пороки: двойственность, лицемерие, ложь, зависть, ненависть др. А главным здесь является то, что тщеславие, достигающее полного своего возраста, переходит в самую гибельную и бесовскую страсть - "гордость".

Все характерные, наиболее выражающие страсть черты являются резче, выпуклее и более выраженными в страсти гордости. Если человек тщеславный услаждается своими подвигами и достоинствами, видя в них средство достижения известности, славы, почести от людей, то гордый уже прямо и неприкровоенно усваивает их себе. Вознося свою собственную личность, он утверждает свою полную независимость не только от кого бы то ни было, но даже и от Бога. Свое назначение такой человек надеется осуществить без Божественной помощи, признавая совершенно достаточными свои силы для осуществления добродетелей. Если в тщеславии чувствуется недостаток любви к Богу, забвение о славе Божией - то в гордости проявляется прямое, решительное, сознательное пренебрежение к Божественной славе, явное нежелание "воздать славу Богу". Поэтому гордый не сознает немощей своей падшей природы и, видя в себе самом источник сил, смело отвергает "благодать", "промысл". Иногда даже он открывает хульные свои уста на небо и бывает "чужд всяких добродетелей". Основой для гордости служит общее и всем прочим страстям себялюбие, которое здесь проявляется в более заметной форме, достигая часто явного, сознательного и упорного сопротивления Богу, - вот почему гордость, по учению отцов-аскетов, тяжелее и пагубнее всех прочих пороков, а человек гордый имеет "общую часть с бесами". Гордость, по мнению отцов, есть "древнее зло", "первое зло и последнее" и источник зла, ибо гордостью пал первый из Ангелов, гордостью же падают и все люди. Гордость - это "самый лютый и свирепый зверь"; "из нее, как из какого корня, произросли мириады лоз греховных". Она поэтому всего более ненавистна Богу - "мерзость пред Господом". Она настолько велика и сильна, что гордого может исправить только "Сам Бог".

Гордости, по мнению отцов-аскетов, два рода: первый - плотский, второй - духовный. Первый искушает новоначальных и плотских, а другой - мужей духовных и высоких (по жизни), которые, победив предыдущие пороки, находятся уже почти на вершине добродетелей. "Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его; таковой, если не опомнится вскоре

и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божию". Хотя тот и другой род гордости вдыхается вредным возношением как на Бога, так и на людей, однако ж тот первый касается отношения к людям, выражаясь в разрыве союза с ближними, оскудения к ним любви, превозношений над ними с намеренным желанием обратить их в средство своего эгоизма, а второй составляет скорее гордость на самого Бога.

Таким образом, начинается страсть гордости с мнимо справедливого предпочтения себя другому, а после, путем незаметного возвышения своего "я", доходит до сопоставления себя со своим Творцом, сознательного противления Его промыслу и удаления от Него. Тщеславие обозначает собою первый период горделивой страсти, когда Божественная благодать стоит еще при дверях нашего сердца, ожидая от нас покаяния и смирения, - гордость обозначает второй период этой - духовной - болезни, когда наклон к духовной смерти становится заметнее ввиду того, что действие благодати все более и более парализуется возрастающим самолюбием; в этот же период наконец наступает и самая смерть духовная: когда человек весь погрузится в свой собственный эгоизм и чрез это выразит полный протест против благодати Божественной. Поэтому "гордость есть отвержение Бога", "противница Богу, корень хулы". Начало гордости - корень тщеславия; середина - уничтожение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец - отвержение Божией помощи, упование на свое тщеславие, бесовский нрав. Будучи первоисточником всякого зла, ибо чрез гордость диавола вошел грех в мир, эта страсть составляет сущность греховной проказы человека; ибо она (совместно со страстью тщеславия) сопровождает и наши добродетели и наши пороки, и каждый случай нашей жизни обращает в повод для своего проявления и усилия и тем самым ведет человека к неминуемой смерти духовной, чрез отчуждение его от Бога, подобно ниспавшему с неба ангелу.

Тщеславие, особенно гордость, имея общей своей основой себялюбие, суть по преимуществу акты нашей воли. Право оценки поступков наших ближних, возвышение собственных своих достоинств, посягательство на право Божественного суда над нравственною личностью человека - все это смелое обнаружение действий воли, покоящихся на глубоких основаниях испорченности нашей природы. Свобода первого падшего ангела родила гордость, равно как и воля первого человека родила гордость - гордость сделала всех дерзкими. Человек по своей воле отпадает от Бога, добровольно подвергает себя опасности и - отдается в руки вечной смерти по той злой воле. Поэтому гордость есть столь великое зло, что заслуживает иметь противником не ангела, не другие противные ей силы, но самого Бога, Которого она отвергает.

Окидывая ретроспективным взглядом сказанное о страстях, мы можем в кратких чертах сделать маленькое обобщение. Из рассмотрения последних двух страстей мы видим, что общей их основой служат самолюбие и эгоизм в их наивысшей степени развития и интенсивности. Это же самое основание (т. е. самолюбие и эгоизм, но в менее резкой степени выраженности) является общим и для всех страстей прочих. По учению Исаака Сирина, "прежде всех страстей - самолюбие", от которого, "как ветви какие, отрождаются страсти". Отсюда мы приходим к такому выводу: каждая страсть есть прежде всего порождение самолюбия, которое является необходимой психологической почвой, на которой и из которой вырастают все страсти, заимствуя у нее свои соки и всецело определяясь ею в своих характерных особенностях. Этим, конечно, оправдывается и то мнение отцов-аскетов, что все страсти психологически сродны между собой и, нося на себе характер общего всем им себялюбия, являются по существу своему однородными актами, будь то страсть плотская или душевная.

Как выросшие на такой почве, все страсти суть явления психологические. Нравственному вменению они подлежат не за самые по себе факты, а за то греховное настроение, которое сопровождает тот или другой наш поступок. Точка опоры вменяемости страстей покоится на том основании, что душа есть начало свободное и господственное, а тело находится у нее в подчинении. По тесной связи души и тела и внешние проявления последнего носят на себе отражение первой и оцениваются как акты свободного выражения нашей души. Поэтому все наши страсти по преимуществу суть акты волевые. Все помыслы, всеваемые в нас врагом, делаются в нас греховными в зависимости от нашего произволения; в страсть они переходят после того, как в них помимо ума и сердца примет участие и воля человека. Главная роль остается в данном случае за волей, от которой зависит и самое существование той или иной страсти, и нравственная за нее ответственность пред судом Божественной правды. Грех, говорит преп. Ефрем Сирин, "вменяется не как ведение, а как решимость", результатом нашего анализа страстей являются следующие три положения: 1) все страсти имеют одну общую основу - самолюбие, 2) все страсти - явления психофизические, и 3) все страсти суть акты волевые (по преимуществу).

Митрополит Николай (Могилевский)

Продолжение следует

Церковь Покрова на Нерли

Самый совершенный храм, созданный на Руси

спроси любого соотечественника назвать несколько православных храмов, что он ответит? Наверное, самым распространенным будет ответ - храм Христа Спасителя, собор Василия Блаженного и церковь Покрова на Нерли. Чем примечательны первые два храма, понятно. А вот почему такую всемирную известность и любовь снискала скромная и простая церковь Покрова на Нерли? Когда пишут и говорят об этом храме, обычно приводят слова Игоря Грабаря: "Церковь Покрова на Нерли близ Владимира является не только самым совершенным храмом, созданным на Руси, но и одним из величайших памятников мирового искусства". Что же сделало этот храм таким знаменитым - его история? Или, может быть его удивительный гармоничный облик?

Церковь Покрова на Нерли - памятник становления и расцвета Владимирского княжества при Андрее Боголюбском. Этот удивительный человек задался целью создать новую столицу Руси, подобную Киеву, и не только Киеву, но и Константинополю и Иерусалиму. Всего за 7 лет было выстроено множество прекрасных храмов во Владимире, построено Боголюбово и, как венец всему, храм Покрова на Нерли. Он был построен на расстоянии версты от Боголюбовского замка, при слиянии двух рек - Нерли и Клязьмы. Устье Нерли - это своеобразные речные ворота Владимирской земли на оживленном торговом пути Нерль-Клязьма-Ока-Волга. Церковь Покрова возвышается над берегом старицы Клязьмы на округлом, поросшем травой и деревьями холме. Она будто вырастает из этого холма, и невольно восхищаешься, как удачно выбрано место для постройки храма. Но это только на первый взгляд кажется, что все так просто. На самом деле, храм хранит множество секретов, и строительных и исторических.

Что, собственно, известно об этом знаменитом памятнике зодчества? Скупые летописные сведения о храме не сообщают ни даты, ни даже названия церкви: "И потом приде от Киева Андрей Юрьевич и створи Боголюбный град:и постави церкви две

камены". Правда, еще в одной летописи упоминается все-таки то, что храм на Нерли в честь Покрова. Некоторые сведения о ней есть в "Житии Андрея Боголюбского". Из него следует, что храм связан с победоносным походом Владимирцев на болгар и с гибелью от ран княжича Изяслава Андреевича (сына Андрея Боголюбского) в 1165 году. Удивительны и сроки строительства храма. Обычно церковь строили за 3-4 сезона, но "оную церковь единым летом соверши и обитель монашествующим при ней содела ", т. е храм был возведен за один год.

Само посвящение храма Прокрову Пресвятой Богородицы очень необычно. Ведь праздник этот зародился именно на Руси, в Византии его не было. Но наиболее ранние из дошедших до нас икон Покрова относятся к XIV-XV векам. Да и Покровских церквей, построенных на Руси ранее этого времени, не известно. Непосредственно с именем князя Андрея Боголюбского связывается установление праздника Покрова, считается, что он был учрежден на Руси в 60-е годы XII века. Важнейшим аргументом в пользу этого предположения, стало как раз посвящение церкви, построенной в княжеской резиденции. С литературным творчеством самого Андрея Боголюбского исследователи связывают и тексты на праздник Покрова, дошедшие до нас в более поздних списках - "Проложное сказание", "Слово" и "Служба".

Правда, есть мнение, что посвящение храма, построенного князем Андреем, могло быть связано и с другим праздником, установленным им после чуда, случившегося 1 августа 1164 года, когда во время похода на волжских болгар от образов Спаса, Владимирской Богоматери и креста, находившихся в русском войске, начали исходить огненные лучи. Именно с этим победоносным походом, успех которого обеспечила икона Владимирской Божией Матери, "Житие Андрея Боголюбского" связывает строительство церкви Покрова. Впоследствии, храм, возможно первоначально посвященный Спасу и Богородице, стал Покровским, вероятно, даже без специального переименования.

Немало секретов хранит и сама конструкция храма. Его современный облик так прекрасен и совершен, так вписывается в окружающий ландшафт, что кажется, так и он был задуман изначально. Однако, благодаря археологическим исследованиям, мы знаем, что во времена своей "молодости" храм выглядел иначе. А великолепный холм-пьедестал, оказывается, является делом рук человеческих. Изначально храм был обнесен открытыми галереями с перекрытиями, на которых устроены "гульбища". Высота галереи составляла 5,5 м., а в юго-западном углу аркада превращалась в толстую стену с внутренней лестницей, откуда был вход на хоры.

При археологическом исследовании открылся и удивительный секрет холма. На низменном пойменном берегу поля вода поднималась при разливе более чем на три метра. Потому-то и строительство здесь велось совершенно особенным образом. Сначала был заложен фундамент из булыжника на известковом растворе глубиной 1,60 м., до слоя материковой глины. На фундаменте в два приема возвели основание стен из тщательно тесанного, плотно пригнанного камня, высотой 3,70 м. Снаружи и внутри эти стены засыпали глинистым супесчаным грунтом и плотно утрамбовали. Подземная часть храма составляет, таким образом, 5,30 м. Вот так в устье Нерли вырос искусственный холм, ставший пьедесталом для церкви Покрова и предохраняющий ее от коварных весенних вод. Холм был покрыт панцирем из белокаменных плит с водосточными желобами и лестницами, сбегавшими к пристани.

Пропорции храма необыкновенно изящны и красивы. Часто этот храм сравнивают с образом красной девицы (в отличие от Дмитриевского собора во Владимире - воина-богатыря). И, хотя, тип храма совершенно обычен для этого времени (крестово-купольный, одноглавый, четырехстолпный, трехапсидный, с тремя продольными и тремя поперечными нефами), он неуловимо отличается от множества других церквей. Здесь все направлено на достижение эффекта максимальной стройности и высоты. Множество деталей, еле уловимых, очень деликатных, подчеркивают вертикальную ось сооружения. Например, средняя апсида чуть приподнята над боковыми, несколько поднято и среднее окно. Барабан храма высокий и тонкий с узкими окнами, поднятый на пьедестал-постамент усиливает впечатление устремленности вверх. И внутреннее пространство церкви Покрова воспринимается как некий воздушный столп с убегающими ввысь пучками вертикалей.

автор: **Елизавета Правикова**

http://www.pravmir.ru/article_2360.html

Месяцеслов

Воскресенье, 12 Октября 2008 года. Неделя 17-я по Пятидесятнице.

Прп. Кириака отшельника, Прп. Феофана Милостивого

Понедельник, 13 Октября 2008 года. Седмица 18-я по Пятидесятнице.

Сщмч. Григория еп., просветителя Армении,
Прп. Григория Пельшемского, Вологодского чудотворца,
Свт. Михаила, первого митр. Киевского

Вторник, 14 Октября 2008 года.

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Ап. от 70-ти Анании, Прп. Романа Сладкопевца. Прп. Саввы Вишерского,
Гербовецкой иконы Божией Матери

Среда, 15 Октября 2008 года.

Сщмч. Киприана и мц. Иустины, Мч. Феокиста,
Блж. Андрея, Христа ради юродивого, Прп. Кассиана Угличского

Преставление блгв. кн. Анны Кашинской,

Четверг, 16 Октября 2008 года.

Сщмчч. Дионисия Ареопагита, еп. Афинского, Рустика пресвитера
и Елевферия диакона, Обретение мощей прп. Амвросия Оптинского

Пятница, 17 Октября 2008 года.

Сщмч. Иерофея, еп. Афинского, Собор Казанских святых,
Блгв. кн. Владимира Новгородского, чудотворца

Суббота, 18 Октября 2008 года.

Мц. Харитины, Свт. Петра, Алексия, Ионы, Филиппа
и Ермогена, Московских и всея Руси чудотворцев